

К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ



УДК 94(100)“1914/19” + 94(470.5)

О. С. Поршнева

«ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ»: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В УРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЯХ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается влияние вступления России в Первую мировую войну на общественные настроения и поведение жителей Уральского региона. Показаны проявления стихийного и осознанного патриотизма разных слоев населения, истолкованы волнения запасных нижних чинов, проявления пацифистских и антивоенных настроений. Выявлены основные представления, определявшие восприятие войны образованным обществом, показан комплекс идей о войне как «Второй Отечественной».

Ключевые слова: Первая мировая война; мобилизация; патриотический подъем; манифестации; Вторая Отечественная война; германизм; благотворительность; волнения запасных.

Предпосылки Первой мировой войны формировались на рубеже XIX–XX вв. в условиях имперского противостояния великих держав, обострения межблоковых и межгосударственных противоречий. Самодовлеющим фактором внешнеполитического процесса в этот период стала коллективная психология народов и правящих кругов, «коллективные страсти», национальные чувства, которые способны были психологически подвести народные массы и правительства к восприятию войны как единственного способа осуществления «национальных целей» [Урибес, с. 38].

Первая мировая война стала беспрецедентной в мировой истории не только по своим масштабам, жертвам, разрушительным последствиям, но и по степени вовлеченности гражданского населения в военные усилия государства. Правительства ведущих европейских держав широко использовали в целях национальной мобилизации методы массовой политики и пропаганды, что отражало формирование в этих странах структур гражданского общества, феномена

массовой культуры. Как справедливо заметил С. Ферстер, без прямой поддержки гражданского общества переход к новому типу войны, наложившему отпечаток на целую эпоху, был бы невозможен [Ферстер, с. 25].

Для России вступление в большую войну представляло потенциальную опасность в ситуации незавершенности экономических и военно-технических реформ, революционного кризиса начала XX в. Германофильские настроения части правящей российской элиты, династические связи российского императорского дома, опасения в неадекватном истолковании массами антинемецкой агитации — все это также препятствовало ведению идейно-психологической подготовки к войне, ориентированной на массовые слои населения.

Идейное обоснование участия России в войне с германским блоком прозвучало в Высочайших манифестах Николая II от 20 и 26 июля 1914 г. об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией уже после вступления страны в войну 19 июля 1914 г. В них были обозначены причины и характер участия России в европейском конфликте: защита территории страны, ее чести, достоинства, положения среди великих держав, а также «единокровных и единоверных братьев-славян» [Царские слова к русскому народу, с. 1]. Этими документами был задан основной вектор официальной патриотической пропаганды, которая велась с позиций защиты своей земли, народа, его коренных интересов и ценностей от посягательств других держав. Составителям царского манифеста, как справедливо заметил Б. И. Колоницкий, удалось подобрать удачные образы, запоминающиеся слова, которые нашли отклик в сознании многих жителей империи. Там, в частности, говорилось: «Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце» [цит. по: Колоницкий, с. 84].

Два главных фактора определили формирование в массовом сознании установок восприятия начавшейся войны как справедливой, оборонительной, направленной на отражение германской агрессии: тот факт, что Германия первой объявила войну России, а также характер повода к войне, дававший России высокие моральные дивиденды защитницы несправедливо обиженной братской славянской страны. По всей стране: в городах, рабочих поселках, селах — в июле-начале августа 1914 г. прошли массовые манифестации и молебны, участников которых объединяли патриотические и религиозные настроения [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 14, ч. 7, л. 17; д. 73, ч. 7, л. 16; д. 90, ч. 7, л. 16; Палеолог, с. 73; и др.].

Председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко так описал стихийную манифестацию в Петербурге 20 июля 1914 г. в день выхода Манифеста о войне с Германией: «Огромная толпа собралась перед Зимним дворцом. После молебна о даровании победы Государь обратился с несколькими словами, которые закончил торжественным обещанием не кончать войны, пока хоть одна пядь земли русской будет занята неприятелем... После молебствия Государь вышел на балкон к народу, за ним Императрица. Огромная толпа заполнила площадь и прилегающие к ней улицы и, когда она увидела Государя, ее словно пронизала электрическая искра, и громовое “ура” огласило воздух. Флаги, плакаты с надписями “Да здравствует Россия и славянство” склонились до земли, и вся толпа, как один человек, упала перед Царем на колени» [Родзянко, с. 104].

На Урале так же, как и по всей стране, вступление России в войну было встречено большинством населения патриотическим подъемом. Волна стихийного патриотического воодушевления захватила все социальные слои и группы населения: духовенство, интеллигенцию, служащих, торгово-предпринимательские круги, крестьянство, рабочих. В отличие от Русско-японской войны, когда либеральная интеллигенция занимала пораженческую позицию, в июле 1914 г. она поддержала правительство, подчеркивая справедливый, оборонительный характер начавшейся войны. Газета «Пермские ведомости» писала по этому поводу: «И земская Россия чувствует свою неразрывную связь с остальными русскими общественными элементами, ведь земский голос есть голос русской интеллигенции» [Пермские ведомости, 1914, 6 августа].

Патриотические манифестации прошли в городах, заводских поселках Урала, сопровождаясь молебнами о даровании победы, сбором пожертвований на нужды войны, отправкой патриотических телеграмм императору. В Оренбурге патриотическое оживление и приподнятое настроение царило с середины дня 17 июля, когда в городе стал распространяться слух об объявлении мобилизации, а спустя несколько дней, 22, а затем 27 июля, состоялись грандиозные патриотические манифестации [Оренбургская жизнь, 1914, 19, 24 июля]. 17 июля в Екатеринбурге стихийно возникла патриотическая манифестация, в которой приняло участие свыше тысячи человек, а на следующий день на улицах города вновь появились манифестанты с национальными флагами, пением патриотических гимнов, криками «Да здравствует Россия и Сербия!», «Да здравствует Англия и Франция!», «Долой Австрию!», «Долой Германию!», причем к 11 часам вечера в городе ходили уже две манифестации [ГАПК, ф. 65, оп. 1, д. 1416, л. 1; Зауральский край, 19, 20 июля]. 20 июля в Перми состоялась многотысячная патриотическая манифестация, продолжавшаяся до глубокой ночи [Зауральский край, 25 июля]. 20 июля в Вятке, несмотря на сильный дождь, на молебен и крестный ход собралось много народа. «Все собравшиеся пели “Спаси, Господи!”», многие плакали», отмечалось в газете «Северное слово». Вечером по инициативе студентов состоялась патриотическая манифестация. «Такого воодушевления публика Вятки не видела давно», писал корреспондент газеты [Северное слово, 21 июля]. 22 июля в Вятке повторилась патриотическая манифестация в еще большем масштабе [Северное слово, 26 июля].

Патриотические шествия и манифестации прошли также в Уфе, Верхотурье, Невьянске, Шадринске, Ирбите, Ижевске, Глазове, Слободском, Орлове, других городах и населенных пунктах Урала. Объявление Германией войны России вызвало живой отклик во всех общественных слоях, отчетливо проявился массовый интерес к развитию внешнеполитической ситуации, ходу военных действий. У расклеиваемых на столбах объявлений группы местных жителей обменивались мнениями по поводу совершающихся событий, спрос на военные телеграммы был очень высок. «Телеграммы о войне вы можете теперь увидеть в руках у мелких рыночных торговцев, извозчиков, дворников, приехавших в город крестьян», — свидетельствовала газета «Зауральский край» 24 июля 1914 г.

Всеобщая мобилизация в России в целом прошла успешно: 96 % подлежащих призыву явились на мобилизационные комиссии. Если до объявления общей

мобилизации численность вооруженных сил России составляла 1 423 000 человек, то после ее осуществления и проведения дополнительных призывов к концу 1914 г. в строю оказалось свыше 6,5 млн человек [Россия в мировой войне 1914–1918 гг., с. 18], около 75 % всех призванных в армию уже в первую неделю мобилизации составляли крестьяне [Беркевич, с. 13].

Преобладание патриотических настроений в период мобилизации было зафиксировано в отчетах уральских губернаторов об итогах ее проведения в Министерство внутренних дел. В телеграмме уфимского губернатора в МВД от 2 августа 1914 г. отмечалось: «Эта война намного популярнее войны с Японией, вызвала патриотический подъем, в котором растворились и исчезли не только революционные идеи, но даже партийные настроения; однако беспорядки все-таки имеются ...» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 81, л. 13]. Оренбургский губернатор сообщал директору Департамента полиции в телеграмме от 4 августа 1914 г., что мобилизация запасных по всей губернии прошла в большом порядке и при значительном патриотическом подъеме; особенно охотно собирались казаки, недоборов не было, а всюду заметен излишек... преступность упала до нуля, пьяных нигде не было» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 4, л. 1–2]. Пермский губернатор в отчете в МВД об итогах мобилизации от 27 июля 1914 г. сообщал: «С объявлением войны среди населения заметен большой подъем патриотизма, но это ничуть не значит, что рабочие массы сразу переродились, и что в случае каких-либо неудач на театре военных действий они снова не будут реагировать на это открытыми выступлениями в виде забастовок или каких-либо беспорядков» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 50, ч. 2, л. 93].

Мобилизация сопровождалась волнениями запасных нижних чинов из рабочих и крестьян, получивших значительный размах в целом ряде губерний, в том числе на Урале [Поршнева, с. 91–94, 134–135]. Произошло 50 выступлений в Пермской, Уфимской, Вятской губерниях, из них абсолютное большинство — 43 — в Пермской губернии. Причинами волнений стали: закрытие казенных винных лавок, инерция забастовочной борьбы предшествующего периода, проведение мобилизации в разгар полевых работ (не только крестьяне, но и рабочие на Урале имели земельные наделы). Определенную роль в возникновении столкновений на заводах сыграли общая неудовлетворенность рабочих условиями своей жизни, социальная напряженность в отношениях с заводской и местной администрацией, озлобленность части рабочих против «начальства» и властей. Успокоение в целом ряде случаев наступало после выдачи пособий семьям призванных для найма работников на период страды или обещания властей организовать уборку за счет средств земств. Поводами для недовольства мобилизованных служили также плохая укомплектованность сборных пунктов, низкое качество пищи, а среди татаро-башкирского населения — необходимость питания из общего котла во время мусульманского поста.

В советской историографии эти волнения квалифицировались как одна из наиболее ярких форм антивоенного движения [Беркевич; Попов], однако беспристрастный анализ документов позволяет поставить под сомнение эту оценку. Абсолютное большинство выступлений проходило в форме стихийных погромов, а главным требованием мобилизованных было открытие казенных

винных лавок перед отправкой их на фронт в условиях введения в стране «сухого закона» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 47, л. 1–4; д. 138, ч. 50, л. 3–4, 8–13, 17, 19, 23, 26, 28, 29; д. 138, ч. 81, л. 1, 4, 6, 7, 9, 12, 13; д. 138, ч. 15, л. 1, 2, 4]. Последний делал невозможным соблюдение традиционного ритуала проводов в армию, обязательного в понимании рабочих и крестьян.

Наиболее крупными были волнения на Лысьвенском и Надеждинском заводах, где проявились социальные и политические мотивы недовольства части рабочих. Например, рабочий Лысьвенского завода Иван Гуляев в день объявления мобилизации заявил: «Нас в первую войну (Русско-японскую. — *О. П.*) обманывали и теперь тащат обманывать. Настало теперь время, когда мы можем взять не только свободу, но и все, что нам завод должен» [ГАПК, ф. 65, оп. 1, д. 315, л. 97]. Запасные — рабочие этого завода Варов и Голышев — во время беспорядков говорили: «Завтра полицию всю убьем за то, что во время бывшей забастовки мяли рабочих лошадыми» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 50, л. 29]. Бывший рабочий Лысьвенского завода из числа запасных, Майер, предъявляя от лица рабочих требования заводу-управителю Добровольскому о выдаче семьям двухнедельной заработной платы, заявил: «Мы отсюда не уйдем и лучше здесь помрем, чтоб дети и жены знали, где наши могилы, чем умирать Бог знает где» [ГАПК, д. 315, л. 96–100].

Говоря, по сути, о неразвитости гражданского, национального самосознания части рабочих как об одной из причин волнений, пермский губернатор И. Ф. Кошко объяснил произошедшие события тем, что «рабочие местных приисков крайне не распропагандированы, население здесь вообще грубое, дерзкое, морально неустойчивое» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 50, ч. 2, л. 93]. Участники бунтарских акций могли по-разному относиться к монархии, вере, Отечеству, волнения мобилизованных рабочих не имели однозначной политической окраски. Весьма красноречиво характеризует отношение к традиционным ценностям следующий эпизод волнений в г. Осе Пермской губернии 19 июля 1914 г. В разгар волнений рабочих-сапожников начался молебен: сразу же установилась тишина и волнение приостановилось [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 50, л. 19]. Очевидно, что среди участников стихийных погромов, влившихся в ряды русской армии в 1914 г., были патриотически и даже монархически настроенные рабочие, недовольные своим социальным положением. Совет съездов горнопромышленников Урала в письме министру внутренних дел по поводу волнений мобилизованных подчеркивал «недопустимость резких разногласий между русскими людьми во время войны», выражая надежду на то, что «это последние вспышки... уральские рабочие образумятся» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 50, ч. 2, л. 95].

После вступления России в войну активно, всеми средствами, объединенными усилиями государства и общества велась патриотическая пропаганда. В печати, в том числе ежедневных газетах, специальных популярных брошюрах, в лубочной литературе, кинематографе, театре, в церквях распространялись идеи справедливой, «священной» освободительной войны против германской агрессии.

Главным тезисом в патриотической пропаганде на Урале, как и по всей стране, стала идея о столкновении народов как неизбежном следствии полувековой политики агрессивного германского милитаризма. Практически все легальные издания Урала периода войны, в том числе либерального и демократического

характера, пропагандировали концепцию Отечественной войны России, желающей мирной жизни и поднимающей «меч против ножа». Наиболее распространенной аналогией Великой войны, «Второй Отечественной», как ее называли современники, как среди интеллигенции, так и в более широких слоях населения была Отечественная война 1812 года.

Пропагандистские образы и концепты не только формировали, но и отражали широко распространившиеся в начале войны представления о справедливой борьбе с германской агрессией, угрожающей миру и самому существованию народов. Не столько пропаганда, сколько реалии кровопролитной войны с сильным противником, психологический настрой на защиту Отечества в наибольшей степени способствовали формированию в общественном сознании образа справедливой освободительной войны.

Активную патриотическую позицию заняли представители всех конфессий Урала: православные, старообрядцы, мусульмане, иудеи, повсеместно проводившие молебны о даровании победы русской армии и сбор пожертвований на нужды войны [Зауральский край, 1914, 24, 26 июля; Уральская жизнь, 30 июля; Оренбургская газета, 1914, 8 августа]. «Когда наступил час защищать русскую землю от нападения дерзкого врага, инородческие массы слились воедино с коренным, русским населением, вступают с неменьшим пылом в ряды войск и идут на поле брани, готовые умереть за Россию», — писала демократическая газета «Уральская жизнь», где отмечалось, что после победы над врагом «гражданские и политические права всех без изъятия должны быть уравнены» [Уральская жизнь, 1914, 3 августа]. В то же время среди мусульманского населения Урала в связи с началом войны и особенно выступлением на стороне Германии мусульманской Турции проявились антирусские и панисламистские настроения [ТАКО, ф. 714, оп. 1, д. 1581, л. 1, 4; РГВИА, ф. 1720, оп. 7, д. 210, л. 24].

На Урале вступление в войну вызвало мощное движение благотворительности, в которое включились различные социальные слои: дворяне, промышленники, купцы, средние слои городских обывателей, земские служащие, крестьянство, студенчество. В июле-августе 1914 г. во всех четырех губерниях Урала прошли экстренные губернские и уездные земские собрания и чрезвычайные заседания городских дум и волостных сходов, на которых была не только сформулирована патриотическая позиция местных органов самоуправления в связи с началом войны, но и решен вопрос об изыскании средств из местных бюджетов на оказание помощи семьям призванных в армию воинов. Большое значение в поддержании крестьянских хозяйств, лишившихся работников, имело выделение земствами средств на проведение сельскохозяйственных работ, наем работников в хозяйства ушедших на фронт.

Пожертвования на войну различных общественных организаций и частных лиц приобрели массовый характер, по инициативе обществ Красного креста, великой княгини Елизаветы Федоровны, великой княжны Татьяны Николаевны и других проводились различные благотворительные акции: лотереи-«аллегри», спектакли, Дни союзных флагов, кружечные сборы, средства от которых поступали в пользу семей призванных и раненым воинам. На пожертвования создавались общественные лазареты, столовые, ясли-приюты, детские площадки, солдаткам выплачивался дополнительный к казенному паек. Действенный патриотизм

проявляли и крестьяне, жертвуя на нужды войны хлеб из хлебозапасных магазинов. Не остались в стороне от благотворительности и мусульмане Урала, его татаро-башкирское население, проживавшее преимущественно в Уфимской и Оренбургской губерниях [Уфимская жизнь, 1915, 10, 17 апреля, 23 мая; Оренбургская газета, 1914, 8 августа].

Отношение к войне уральцев, призванных в действующую армию, можно охарактеризовать по содержанию их писем на родину. За вторую половину 1914 г., по сообщениям военных цензоров, общий тон писем солдат-уральцев с фронта спокойный, проникнутый сознанием своего долга перед Родиной [РГВИА, ф. 1720, оп. 11, д. 2, л. 146, 148, 230, 262, 296, 333, 334]. Корреспондент газеты «Вятская речь», просмотревший около 300 писем простых солдат-крестьян Вятской губернии, в январе 1915 г. писал: «Общий тон писем бодрый... во всех письмах сознание собственного долга перед Отечеством, покорность воле providения». «На все воля Божья», «Дело в руках Божьих, все закрыто, один Бог знает» — таковы типичные рассуждения солдат-вятичей с фронта в этот период войны [Вятская речь, 1915, 28 января]. В этих формулировках отчетливо отражалась крестьянская специфика восприятия войны как ниспосланного Богом испытания, стихийного бедствия, с которым невозможно бороться.

Патриотический порыв захватил и подростков: с первых дней войны в уральских газетах регулярно появлялись сообщения об исчезновении и поиске подростков, сбежавших на фронт, среди которых преобладали дети служащих, крестьян и полицейских. Характеризуя патриотизм простых людей, газета «Уральская жизнь» писала в августе 1914 г.: «Народ не нуждается в ободрении, ему не надо объяснять, что такое напавший на нас враг-германец» [Уральская жизнь, 1914, 28 августа]. Несколько месяцев спустя в другой публикации этой газеты был поставлен, однако, вопрос о недостаточности стихийного патриотизма масс для победы над врагом: «Народные массы чувствуют правоту союзников, но больше инстинктом». Автор говорил о необходимости «нести в народ понимание происходящего, истинных причин войны и ее значения... путем организации популярных лекций в городе и деревне, рассылки брошюр о значении германского милитаризма и причинах войны» [Уральская жизнь, 1914, 19 декабря].

Критические, пацифистские настроения, неприятие официальной пропаганды проявлялись главным образом в среде интеллигенции, членов радикально-революционных групп, а также, в немногочисленных случаях, — среди рабочих и крестьян. Как и по стране в целом, в рядах уральской революционной демократии произошел раскол на правых социалистов — патриотов, сторонников войны до победного конца, оборонцев, признающих необходимость обороны Отечества, исходя из войны как факта, и революционеров-интернационалистов, выступавших за гражданскую войну с правительством, против лозунга обороны. Первое течение стояло на идейной платформе, сформулированной Лондонской конференцией социалистов стран Антанты в феврале 1915 г., провозгласившей борьбу с милитаристской Германией священным делом демократии всех стран [Большевики. Документы по истории большевизма..., с. 241–242].

Для вовлеченных в социалистическое движение русских рабочих идея борьбы «европейской демократии» с «реакционной» Германией имела большое

значение, являясь обоснованием патриотических усилий, поддержки идеи национального единения во имя обороны от внешнего врага. «Сначала победа, потом революция» [Плеханов, с. 108], — этими словами Г. В. Плеханова можно охарактеризовать суть позиции части уральских социал-демократов, рабочих, интеллигенции, соединяющей патриотизм и революционный демократизм. Транслируя эту позицию, газета «Уральская жизнь» констатировала в сентябре 1914 г.: «Раскрепощение России от германской зависимости тесно связано с общим социально-политическим раскрепощением страны», со страниц этого демократического издания звучал призыв к национальному единению, «забыть все классово-промышленные счеты», исходя из того, что промышленный Урал призван сыграть важную государственную роль в условиях войны. В интересах мобилизации всех производительных сил необходимо, по мнению авторов газеты, использовать вызванный войной подъем духа [Уральская жизнь, 1914, 21 августа].

На страницах уральских периодических изданий летом-осенью 1914 г. широко пропагандировались взгляды Г. В. Плеханова по вопросам войны и мира, в частности, его открытое «Письмо-разъяснение», перепечатанное из газеты «Речь». Заявляя о принципиальном неприятии любой войны, Г. В. Плеханов подчеркивал, что интересы прогресса на стороне Антанты и виновник развязывания кровавой бойни должен быть наказан [Письмо-разъяснение Г. В. Плеханова].

Антивоенную позицию заняли представители леворадикального крыла социал-демократических и эсеровских организаций Урала, пропагандируя ее в нелегальных изданиях, прежде всего прокламациях и листовках. Однако сила патриотического подъема населения в связи с вступлением в войну была так велика, что прямо и последовательно, даже в нелегальной форме, пропагандировать антивоенные идеи ни в 1914, ни в 1915 г. революционеры не могли. Не была исключением в этом отношении и рабочая среда, наиболее подверженная социалистической пропаганде. Ярким показателем изменившихся в связи с войной настроений рабочих Урала является статистика забастовок. По наиболее полным данным, собранным в советский период, в январе-июле 1914 г. на Урале произошло 70 забастовок, во второй же половине 1914 г. — только 8 [Очерки истории коммунистических организаций Урала, с. 199] столкновений рабочих с предпринимателями на экономической почве.

По признанию большевика Н. П. Брюханова, одного из авторов прокламации «Правда о войне», она не получила широкого распространения, это была лишь попытка Уфимской группы социал-демократов сформулировать свою антивоенную позицию [ЦГАООРБ, ф. 1832, оп. 3, д. 128, л. 8]. Более того, антивоенные листовки в обстановке всеобщего патриотического подъема вызывали реакцию активного неприятия. В Оренбурге в районе размещения ополченцев был обнаружен сверток с прокламациями-памфлетами «Единение царя с народом», выпущенными в Уфе, в которых содержался призыв не верить царю, выступить с оружием в руках против своего правительства [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 47, л. 3]. Оренбургский губернатор сообщал, что «ополченцы сами представили их начальству и были крайне возмущены несвоевременным их появлением, циркулировал даже слух, что это дело местных немцев»; губернатор отмечал

при этом заметный среди местных социалистов патриотический подъем [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 47, л. 3].

Отсутствие антивоенных настроений в рабочей среде в начале войны фиксируют в своих воспоминаниях уральские большевики. Вот лишь некоторые свидетельства: Банин (Оренбург): «В 1914 г., во время объявления империалистической войны, рабочий класс Урала, увлеченный национально-патриотическими лозунгами, никакого выступления против войны не предпринимал» [Пролетарская революция в Оренбурге 1917 г., с. 8]; Токарев, Царегородцев (Вятка): «После объявления войны в Вятской губернии, как и по всей России, произошел взрыв патриотизма. В 1915 г. патриотический “угар” не рассеялся» [ЦДНИКО, ф. 45, оп. 1, д. 88, л. 8, 9]; Н. П. Брюханов (Уфа): «Развитие широкого движения против войны было связано с ее последними периодами, больше всего с 1916 годом» [ЦГАООРБ, ф. 1832, оп. 3, д. 128, л. 8].

На Урале, как и по всей стране, в начале войны отмечался религиозный подъем, широкое распространение получила религиозная трактовка событий. Ее транслировали духовенство, неославянофилы, взгляды теоретиков которого — Е. Трубецкого, С. Булгакова и др. — пропагандировались в прессе, популярных брошюрах, лекциях. Часть образованного городского населения разделяли идеи неославянофильства и панславизма, «священной борьбы» двух «противоположных духовных начал»: славянства и германизма, в которой первое олицетворяет «культуру и божественную правду», второе — «грубую силу бронированного кулака». Наибольшее распространение подобные взгляды получили в Оренбургской губернии [Оренбургская газета, 20 июля, 13, 24 сентября]. В «Оренбургской газете» в статье «Народ — христианин» в октябре 1914 г. отмечалось: «На сцену мировой истории выходит славянство и во главе его, и вместе с ним, во главе всех народов Европы становится Россия. Скоро на весь мир будет провозглашена идея нравственного совершенствования и обновления, идея любви истинно христианской, самоотверженной, безбрежной» [Оренбургская газета, 14 октября].

В то же время часть общественных сил на Урале, прежде всего левые либералы и социалисты, ставили вопрос об истинных причинах войны, критикуя клише о борьбе славянства и германизма [Уральская жизнь, 1914, 28 октября]. Газета кадетского направления «Зауральский край», критикуя в одной из статей клише о «германизме», отмечает, что трудовой народ Германии не хотел войны, застрельщики ее — «военная клика и те верхи крупной немецкой промышленности, для которых политика захвата — излюбленное средство наживы» [Зауральский край, 1914, 6 декабря].

В 1914–1915 гг. в стране и на Урале распространилось представление о необходимости ликвидации «немецкого засилья», возникшее еще накануне войны, проявлялись националистические настроения. Так, в Невьянске Екатеринбургского уезда Пермской губернии 29 июля 1914 г. во время представления в цирке толпа выступила против «немца»-борца, символизировавшего Германию в представлении-схватке, что чуть не закончилось для него печально [Зауральский край, 1914, 26 июля]. В сводке Департамента полиции о настроениях населения Вятской губернии за май 1915 г. указывалось, что «на фабриках и заводах Вятской губернии отмечается неприязненное отношение к лицам, носящим немецкие фамилии»,

а «в Вятке существует настроение против оставления на государственной службе лиц немецкого происхождения» [ГАРФ, ф. 102 ДП, оп. 124, д. 108, ч. 15, л. 7]. В аналогичном обзоре Уфимской губернии отмечалось: «22 мая 1915 г. рабочие снарядного цеха Златоустовского завода выступили против служащих немецкого происхождения Э. Э. Линда и К. Х. Тринкмана, которые, якобы, умышленно не хотят увеличивать заработную плату» [ГАРФ, ф. 102 ДП, оп. 124, д. 81, ч. 2, л. 6]. Корреспондент газеты «Вятская речь» в статье «В вятской деревне» сообщал, что «крестьяне в разговорах называют немцев дьяволом, разрушающим храмы, ругающимся над святыми» [Вятская речь, 1915, 16 января]. Данное отношение было отражением традиционного, распространенного в русской крестьянской культуре стереотипа восприятия внешнего врага как «нехристя» и «антихриста», а с другой стороны, утверждалось под влиянием официальной антинемецкой пропаганды и реальных событий войны, например, разрушения немцами знаменитого Реймского собора во Франции, о чем сообщалось в газетах.

Национально-патриотические настроения уральцев обусловили стремление к «упразднению всего немецкого», возникли многочисленные предложения по переименованию г. Екатеринбурга, содержащего в названии немецкую частицу «бург», в обсуждении этого вопроса приняли участие даже представители Уральского общества естествознания [Казакова-Апкаримова, с. 95].

Постепенно, с лета 1915 г., слухи о подкупках должностных лиц немцами, немецких шпионах, предательстве постепенно становились одним из стереотипов массового сознания «низов», отражая складывание представления о «внутреннем немце», пособнике внешнего врага.

В то же время в регионе, где проживали многочисленные нерусские народности, отсутствовал массовый агрессивный шовинизм по отношению к представителям воюющих с Россией государств, их подданным, проживающим на территории края. Против проявлений национализма и шовинизма активно выступала уральская пресса [Пермские ведомости, 1914, 28 июля; Оренбургская жизнь, 1915, 27 мая].

Новая волна патриотического подъема прокатилась по стране и Уралу в марте 1915 г., когда в ряде городов (Оренбург, Вятка, Екатеринбург и др.), а также заводских поселках и селах возникли патриотические манифестации в честь взятия русскими войсками крепости Перемышль [Оренбургская жизнь, 1915, 11 марта; Уральская жизнь, 1915, 11, 14 марта]. Однако рабочих эта вторая волна патриотизма захватила уже в меньшей степени. Патриотический подъем начала войны к весне 1915 г. стал в их среде ослабевать под влиянием экономических трудностей, сильнее и быстрее всего ударивших по рабочим, а с апреля 1915 г. возобновилось забастовочное движение [РГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 6, л. 114].

Таким образом, вступление России в Первую мировую войну вызвало пробуждение патриотических чувств и национального самосознания населения Уральского региона. Наряду со стихийным народным патриотизмом формировался идейный, осознанный патриотизм образованных слоев. Уральская интеллигенция в своих выступлениях разрабатывала концепцию «Второй Отечественной» войны, анализировала характер, истоки и последствия мирового конфликта для страны, Европы и всего мира. Вместе с тем от патриотических настроений оказались в стороне принципиальные противники войны и правительства,

антироссийски и бунтарски настроенные представители населения, а восприятие войны массами определялось традиционалистскими установками.

Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Ист. зап. 1947. Т. 23. С. 3–43. [Berkevich A. B. Krest'yanstvo i vseobshhaya mobilizatsiya v iyule 1914 g. // Ist. zap. 1947. T. 23. S. 3–43.]

Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного Отделения. М., 1990. 335 с. [Bol'sheviki. Dokumenty po istorii bol'shevizma s 1903 po 1916 god byvshego Moskovskogo Oxrannogo Otdeleniya. M., 1990. 335 s.]

Вятская речь. 1915. [Vyatskaya rech'. 1915.]

ГАКО. Ф. 714 Оп. 1 Д. 1581. [GAKO. F. 714 Op. 1 D. 1581.]

ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. [GAPK. F. 65. Op. 1.]

ГАРФ. Ф. 102. 4-е Делопроизводство. Оп. 123. 1914 г. [GARF. F. 102. 4-e Deloproizvodstvo. Op. 123. 1914 g.]

ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е Делопроизводство. Оп. 124. 1915 г. Д. 81, 108. [GARF. F. 102. DP. 4-e Deloproizvodstvo. Op. 124. 1915 g. D. 81, 108.]

Зауральский край. 1914. [Zaural'skij kraj. 1914.]

Казакова-Апкаримова Е. Ю. Гражданские инициативы городского населения Урала в начальный период Первой мировой войны // Изв. Урал. гос. эконом. ун-та. 2014. № 1 (51). С. 92–98. [Kazakova-Apkarimova E. Yu. Grazhdanskie iniciativy gorodskogo naseleniya Urala v nachal'nyy period Pervoj mirovoj vojny // Izv. Ural. gos. e'konom. un-ta. 2014. № 1 (51). S. 92–98.]

Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 664 с. [Kolonickij B. I. «Tragicheskaya e'rotika»: Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2010. 664 s.]

Оренбургская газета. 1914. [Orenburgskaya gazeta. 1914.]

Оренбургская жизнь. 1914. [Orenburgskaya zhizn'. 1914.]

Оренбургская жизнь. 1915. [Orenburgskaya zhizn'. 1915.]

Очерки истории коммунистических организаций Урала : в 2 т. Свердловск, 1971, 1974. Т. 1. [Ocherki istorii kommunisticheskix organizacij Urala : v 2 t. Sverdlovsk, 1971, 1974. T. 1.]

Палеолог М. С. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. 241 с. [Paleolog M. S. Carskaya Rossiya vo vremya mirovoj vojny. M., 1991. 241 s.]

Пермские ведомости. 1914. [Permskie vedomosti. 1914.]

Письмо-разъяснение Г. В. Плеханова // Памятники агитационной литературы РСДРП. Т. 6 (1914–1917). Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г. М. ; П., 1923. С. 28–29. [Pis'mo-raz'yasnenie G. V. Plekhanova // Pamyatniki agitacionnoj literatury RSDRP. T. 6 (1914–1917). Period vojny. Vyp. I. Proklamatsii 1914 g. M. ; P., 1923. S. 28–29.]

Плеханов Г. В. О войне. Пг., 1917. 108 с. [Plekhanov G. V. O vojne. Pg., 1917. 108 s.]

Попов Н. Н. Выступления рабочих и крестьян на Урале во время июльской мобилизации 1914 года // Рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 годы) : сб. науч. тр. / УрГУ. Свердловск, 1985. С. 115–125. [Popov N. N. Vystupleniya rabochix i krest'yan na Urale vo vremya iyul'skoj mobilizatsii 1914 goda // Rabochie Urala v period kapitalizma (1861–1917 gody) : sb. nauch. tr. / UrGU. Sverdlovsk, 1985. S. 115–125.]

Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. 368 с. [Porshneva O. S. Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2004. 368 s.]

Пролетарская революция в Оренбурге 1917 г.: к 10-летию Октябрьской революции. Воспоминания участников на вечерах Истпарта. Вып. I. Изд. Истпартотдела Губкома ВКП(б), 1927. 82 с. [Proletarskaya revolyuciya v Orenburge 1917 g.: k 10-letiyu Oktyabr'skoj revolyucii. Vospominaniya uchastnikov na vecherax Istparta. Vyp. I. Izd. Istpartotdela Gubkoma VKP(b), 1927. 82 s.]

РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 6; Ф. 1720. Оп. 7. Д. 210; Оп. 11. Д. 2. [RGVIA. F. 369. Op. 9. D. 6; F. 1720. Op. 7. D. 210; Op. 11. D. 2.]

Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. М., 2002. 368 с. [Rodzyanko M. V. Krushenie imperii i Gosudarstvennaya Duma i Fevral'skaya 1917 goda revolyuciya. M., 2002. 368 s.]

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. 103 с. [Rossiya v mirovoj vojne 1914–1918 gg. (v cifrax). M., 1925. 103 s.]

Северное слово. 1914. [Severnoe slovo. 1914.]

Уральская жизнь. 1914. [Ural'skaya zhizn'. 1914.]

Уральская жизнь. 1915. [Ural'skaya zhizn'. 1915.]

Урибес Э. С. Современная французская историография Первой мировой войны (методология и проблематика) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 33–45. [Uribes E'. S. Sovremennaya francuzskaya istoriografiya Pervoj mirovoj vojny (metodologiya i problematika) // Pervaya mirovaya vojna: diskussionnye problemy istorii. M., 1994. S. 33–45.]

Уфимская жизнь. 1915. [Ufinskaya zhizn'. 1915.]

Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 12–27. [Ferster S. Total'naya vojna. Konceptual'nye razmysleniya k istoricheskomu analizu struktur e'poxi 1861–1945 gg. // Opyt mirovykh vojn v istorii Rossii. Chelyabinsk, 2007. S. 12–27.]

Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1914. 1 с. [Carskie slova k russkomu narodu. Vysochajshie manifesty ob ob'yavlenii vojny s Germaniej i Avstro-Vengrije. Pg., 1914. 1 s.]

ЦГАООРБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 128. [CGA OORB. F. 1832. Op. 3. D. 128.]

ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 88. [CDNIKO. F. 45. Op. 1. D. 88.]

Статья поступила в редакцию 21.05.2014 г.

УДК 94(100)“1914/19” + 355.257 + 929 Тухачевский +
+ 929 Де Голль

Ю. З. Кантор

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ И Ш. ДЕ ГОЛЛЬ В ЛАГЕРЕ ИНГОЛЬШТАДТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИЙ

Статья посвящена малоизвестным страницам биографий двух знаменитых деятелей политической истории XX в. — будущего президента Франции Ш. де Голля и будущего маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского. Повседневность их пребывания в плену, условия содержания в лагере для военнопленных офицеров «Ингольштадт» в период Первой мировой войны, особенности характеров и взаимоотношений, формирование политических взглядов прослежены на основе неизвестных документов из российских и германских архивов и мемуарных источников.

Ключевые слова: Первая мировая война; плен; офицеры; Шарль де Голль; Михаил Тухачевский; условия содержания; побег.

Одной из главных достопримечательностей баварского Ингольштадта, стоящего на берегу Дуная, является крепость, созданная по проекту Л. фон Кленце, где с 70-х гг. XX в. находится музей Армии. Мощные форты, построенные в первой